

| РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ XX ВЕКА

Сотников Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, sergey@histr.ru
ФГОУВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса», г. Москва

The history of Russian emigration explains the Russian history of the twentieth century, which was according to N.V. Ustryalova "under the sign of revolution". The author shows the history of development and the political activity of the Russian emigration after the revolution in the global and Russian historical context. The article identifies the status of the emigration and its role in the life of Russia and the international community.

Знание истории русской эмиграции помогает пониманию русской истории XX века, прошедшей, говоря словами Н.В. Устрялова, «под знаком революции». Целью работы является анализ истории формирования, политической деятельности русской эмиграции послереволюционной поры в контексте мировой и российской истории, определение ее особенностей, места и роли в жизни России и международного общества.

Key Words: *emigration, repatriation, refugees*

Ключевые слова: *эмиграция, репатриация, беженцы*

До революции 1917 года Россия официально называлась «Всероссийская Империя», употреблялось также наименование «Государство Российское». Это было имперское многонациональное государство, обладавшее гибкими конституционными формами, допускавшими разнообразные конфедеративные отношения, со многими вероисповеданиями.

Многонациональный характер отражался и в имперских паспортах, которые не только констатировали имперское гражданство, общее для всех жителей России, но также национальность и вероисповедание каждого гражданина в согласии с его волеизъявлением. Однако гражданами Российской Империи были и подданные нерусских и даже неславянских национальностей, которые в паспортах значились русскими по их собственному желанию. Русская культура и русское государство не признавали национальной и расовой дискриминации, ибо по своему духу были имперскими.

Возникшая в результате пятилетней гражданской войны (1917–1922 годы) русская эмиграция, численно достигавшая 3 млн человек, всегда использовала именно такой критерий. Кроме того, эта эмиграция состояла не только из членов вышеотмеченных трех групп восточ-

ных славян, но также из лиц, принадлежавших к различным меньшинствам Российской Империи, что не было препятствием для их собственного самоопределения в качестве «русских эмигрантов».

Революция 1917 года. «Первая волна» эмиграции

Эмиграция из России была прежде всего направлена в страны Западной Европы. Основными центрами русской эмиграции первой волны стали Париж, Берлин, Прага, Белград, София. Значительная часть эмигрантов оседала также в Харбине, а в первое время в Константинополе. Первые русские трудовые и религиозные эмигранты в Австралии появились еще в XIX веке, но это не было массовым явлением. После 1905 года в Австралии начали появляться и первые политические эмигранты. После 1917–1921 годов в Австралии появились новые эмигранты, бежавшие из Советской России, но их было очень немного. Основными центрами новой эмиграции были Брисбен, Мельбурн, Сидней.

Свое изгнание эмигранты «первой волны» считали вынужденным и кратковременным эпизодом, надеясь на скорое возвращение

в Россию, после быстрого, как им казалось, крушения советского государства. Во многом этими причинами вызвано их стремление обособиться от активного участия в жизни стран пребывания, противодействие ассимиляции и нежелание адаптироваться к новой жизни. Они стремились ограничить свою жизнь рамками эмигрантской колонии.

Эмиграция «первой волны» состояла из наиболее культурных слоев российского дореволюционного общества, с непропорционально большой долей военных. По данным Лиги Наций, всего Россию после революции покинуло 1 млн 160 тыс. беженцев. Около четверти из них принадлежали к Белым армиям, ушедшим в эмиграцию в разное время с разных фронтов.

Накануне революции 1917 года численность российской колонии в Маньчжурии составляла не менее 200–220 тыс. человек, а к ноябрю 1920 года — уже не менее 288 тыс. человек. В связи с отменой 23 сентября 1920 года статуса экстерриториальности для российских граждан в Китае все русское население в нем, в том числе и беженцы, перешло на незавидное положение бесподанных эмигрантов в чужом государстве, то есть на положение фактической диаспоры.

Впервые серьезный поток русских беженцев на Дальнем Востоке датируется началом 1920 года. Второй — октябрем–ноябрем 1920 года, когда была разгромлена армия так называемой «Российской Восточной окраины» под командованием атамана Г.М. Семенова. Третий — декабрем 1922 года, когда в регионе окончательно установилась советская власть. Морем выехали лишь несколько тысяч человек, основной поток беженцев направлялся из Приморья в Маньчжурию и Корею.

В Китай, за некоторыми исключениями, не пропускали, некоторых даже высылали в советскую Россию. Однако в Китае, а именно в Синьцзяне, на северо-западе страны, имелась еще одна значительная (более 5,5 тыс. человек) русская колония, состоявшая из казаков генерала Бакича и бывших чинов белой армии, отступивших сюда после поражений на Урале и в Семиречье. Они поселились в сельской местности и занимались сельскохозяйственным трудом.

Количественно русские колонии в Маньчжурии и Китае в 1923 году, когда война уже закончилась, оценивались приблизительно в 400

тыс. человек. Из этого количества не менее 100 тыс. получили в 1922–1923 годах советские паспорта, многие из них — не менее 100 тыс. человек — репатриировались в РСФСР (свою роль тут сыграла и объявленная 3 ноября 1921 года амнистия рядовым участникам белогвардейских соединений). Значительными (подчас до десятка тысяч человек в год) были на протяжении 1920-х годов и реэмиграции русских в другие страны, особенно молодежи, стремящейся в университеты (в частности, в США, Австралию и Южную Америку, а также Европу).

Один из первых потоков беженцев на Юге России имел место также в начале 1920 года. Еще в мае 1920 года генералом Врангелем был учрежден так называемый Эмиграционный Совет, спустя год переименованный в Совет по расселению русских беженцев. Гражданских и военных беженцев расселяли в лагерях под Константинополем, на Принцевых островах и в Болгарии; военные лагеря в Галлиполи, Чаталдже и на Лемносе (Кубанский лагерь) находились под английской или французской администрацией.

Последние операции по эвакуации армии Врангеля прошли с 11 по 14 ноября 1920 года. На корабли было погружено 15 тыс. казаков, 12 тыс. офицеров и 4–5 тыс. солдат регулярных частей, 10 тыс. юнкеров, 7 тыс. раненых офицеров, более 30 тыс. офицеров и чиновников тыла и до 60 тыс. гражданских лиц, в основном, членов семей офицеров и чиновников. Крымской волне эвакуированных эмиграция далась особенно тяжело.

Картотека Главного справочного (или регистрационного) бюро в конце 1920 года уже насчитывала 190 тыс. имен с адресами. Количество военных оценивалась в 50–60 тыс. человек, а гражданских беженцев — в 130–150 тыс. человек.

Зимой 1921 года в Константинополе оставались лишь беднейшие и неимущие, а также военные. Началась стихийная реэвакуация, особенно крестьян и пленных красноармейцев, не опасавшихся репрессий. К февралю 1921 года число таких реэмигрантов достигло 5 тыс. человек. В марте к ним добавилось еще 6,5 тыс. казаков. Со временем она приняла и организованные формы.

Генерал Врангель весной 1921 года обратился к болгарскому и югославскому правительствам с запросом о возможности расселения русской армии на их территории. В августе

согласие было получено: Югославия (Королевство сербов, хорватов и словенцев) приняла на казенный счет Кавалерийскую дивизию Барбовича, кубанских и часть донских казаков (с оружием; в их обязанности входило несение пограничной службы и государственные работы), а Болгария — весь 1-й корпус, военные училища и часть донских казаков (без оружия). Более 20% личного состава армии при этом покинуло армию и перешло на положение беженцев.

Более 35 тыс. российских эмигрантов (преимущественно военных) были расселены по различным, главным образом балканским, странам: 22 тыс. попали в Сербию, 5 тыс. в Тунис (порт Бизерта), 4 тыс. в Болгарию, по 2 тыс. в Румынию и Грецию.

Больших успехов по оказанию помощи русским эмигрантам добилась Лига Наций. Знаменитый норвежский полярный исследователь Ф. Нансен, назначенный в феврале 1921 года Комиссаром по делам русских беженцев, ввел для них особые удостоверения личности (так называемые «нансеновские паспорта»), со временем признанные в 31 стране мира. С помощью созданной Нансеном организации Refugees Settlement Comission около 25 тыс. беженцев было трудоустроено (главным образом, в США, Австрии, Бельгии, Германии, Венгрии и Чехословакии).

Количество эмигрантов из России, на 1 ноября 1920 года, по подсчетам американского Красного Креста, составляло 1194 тыс. человек; позднее эта оценка была увеличена до 2092 тыс. человек.

Авторитетная оценка численности «белой эмиграции», данная А. и Е. Кулишерами, также говорит о 1,5–2,0 млн человек. Она основывалась в том числе на выборочных данных Лиги Наций, зафиксировавших по состоянию на август 1921 года более 1,4 млн беженцев из России. В это число входили 100 тыс. немцев-колонистов, 65 тыс. латышей, 55 тыс. греков и 12 тыс. карел. По странам прибытия эмигранты распределились таким образом (тыс. человек): Польша — 650; Германия — 300; Франция — 250; Румыния — 100; Югославия — 50; Греция — 31; Болгария — 30; Финляндия — 19; Турция — 11 и Египет — 3.

Разделение эмиграции и оптации составляет весьма трудную, но важную задачу. В 1918–1922 годы общее число эмигрантов и репатриантов составило (по ряду стран, выборочно): в

Польшу — 4,1 млн человек, в Латвию — 130 тыс. человек, в Литву — 215 тыс. человек. Многие, особенно в Польше, на самом деле были транзитными эмигрантами и не задерживались там надолго.

Согласно Н.А. Струве, в 1922 году сводная численность российской эмиграции составляла 863 тыс. человек, в 1930 году она сократилась до 630 тыс. и в 1937 году — до 450 тыс. человек.

По неполным данным Службы по делам беженцев Лиги наций, в 1926 году официально было зарегистрировано 755,3 тыс. русских и 205,7 тыс. армянских беженцев. Больше половины русских (около 400 тыс. человек) приняла Франция; в Китае русских находилось 76 тыс.; в Югославии, Латвии, Чехословакии и Болгарии приблизительно по 30–40 тыс. человек (в 1926 году всего в Болгарии находилось около 220 тыс. переселенцев из России). Большинство армян нашли пристанище в Сирии, Греции и Болгарии (соответственно, около 124, 42 и 20 тыс. человек).

Главная перевалочная база эмиграции Константинополь со временем утратила свое значение. Всеми признанными центрами «первой эмиграции» (ее еще называют Белой) стали, на ее следующем этапе, Берлин и Харбин (до его оккупации японцами в 1936 году), а также Белград и София. Русское население Берлина насчитывало в 1921 году около 200 тыс. человек, оно особенно пострадало в годы экономического кризиса, и к 1925 году их оставалось всего 30 тыс. человек. На первые места в эмиграции выдвинулись Прага и, в особенности, Париж. Накануне Второй Мировой войны, и в особенности во время боевых действий, а также вскоре после войны обозначилась тенденция переезда части первой эмиграции в США.

Сравнительно немногим, главным образом, представителям интеллигенции, удавалось сохранить профессию и применить по назначению художественные и научные таланты.

Великая Отечественная война. Эмиграция «второй волны»

Никогда еще такое огромное количество советских граждан не оказывалось одновременно за границей, как в годы Великой Отечественной войны. Однако происходило это в большинстве случаев не только вопреки воле государства, но и вопреки их собственной воле.

Интерес представляют отдельные контингенты граждан СССР, оказавшиеся в годы войны в Германии и на территории союзных ей или оккупированных ею стран. Во-первых, это советские военнопленные. Во-вторых, гражданские лица, насильственно увезенные в Рейх: это осто́вцы, или остарбайтеры, в немецком понимании этого термина, чему соответствует советский термин остарбайтеры-«восточники» (то есть рабочие, вывезенные из старосоветских областей), и остарбайтеры-«западники», проживавшие в районах, аннексированных СССР в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа. В-третьих, это фольксдойче и фольксфинны, которых НКВД не успело депортировать. В-четвертых, это так называемые «беженцы и эвакуированные», то есть советские гражданские лица, вывезенные или самостоятельно устремившиеся в Германию вслед (а точнее, перед) отступающим вермахтом. Тем не менее, в той скупой статистике, которой мы о них располагаем, обе категории, как правило, объединены. Пятую, а если рассматривать в хронологическом плане, то первую категорию составляли гражданские интернированные, то есть дипломаты, сотрудники торговых и иных представительств и делегаций СССР, моряки, железнодорожники и т.п., застигнутые началом войны в Германии и интернированные (как правило, непосредственно 22 июня 1941 года) на ее территории. Количественно эта категория очень мала.

Большая часть этих людей не дожила до победы, особенно много таких среди военнопленных. Большинство из них репатриировались на родину, но многие от репатриации уклонились и остались на Западе, став ядром так называемой «второй волны» эмиграции из СССР. Максимальная количественная оценка этой волны составляет примерно 500–700 тыс. человек, большинство из них — выходцы из Западной Украины и Прибалтики (участие в этой эмиграции евреев, по понятным причинам, было крайне малой величиной).

Часть более широкой массы эмигрантов первоначально полностью сконцентрировалась в Европе. Многие представители второй волны в течение 1945–1951 годов покинули Старый Свет и переехали в Австралию, Южную Америку, в Канаду, но в особенности — в США. Доля тех из них, кто в конечном счете остался в Европе, поддается лишь приблизительной оценке, но в любом случае она никак

не больше трети или четверти. Таким образом, у второй волны, по сравнению с первой, уровень «европейскости» существенно ниже.

Итак, можно говорить приблизительно о 5,45 млн гражданских лиц, так или иначе перемещенных с территории, принадлежавшей до войны СССР, на территорию, принадлежавшую или контролировавшуюся до войны Третьим Рейхом или его союзниками. С учетом 3,25 млн военнопленных, общее число депортированных вовне СССР советских граждан составляло около 8,7 млн чел. По официальной оценке Управления по репатриации на основании неполных данных, к 1 января 1952 года за границей все еще оставалось 451 561 советских граждан.

Если в 1946 году более 80% невозвращенцев находилось внутри западных оккупационных зон в Германии и Австрии, то теперь на них приходилось лишь около 23% от их числа. Так, во всех шести западных зонах Германии и Австрии находилось 103,7 тыс. человек, тогда как в одной только Англии — 100,0; Австралии — 50,3; Канаде — 38,4; США — 35,3; Швеции — 27,6; Франции — 19,7 и Бельгии — 14,7 тыс. «временно нерепатриированных». В этой связи весьма выразительной является этническая структура невозвращенцев. Больше всего среди них было украинцев — 144 934 человека (или 32,1%), далее шли три прибалтийских народа — латыши (109 214 человек, или 24,2%), литовцы (63 401, или 14,0%) и эстонцы (58 924, или 13,0%). На всех них, вместе с 9 856 белорусами (2,2%), приходилось 85,5% зарегистрированных невозвращенцев.

Тем не менее, опасения Сталина оправдались, и сотни тысяч бывших советских граждан так или иначе, правдами или неправдами, но избежали репатриации и все-таки составили так называемую «вторую эмиграцию».

Эмиграция «третьей волны». Холодная война

«Третья волна» (1948–1986) — это эмиграция периода «холодной войны» между поздним Сталиным и ранним Горбачевым. По количеству она составляет приблизительно полмиллиона человек, то есть близка к результатам «второй волны». По качеству она состоит из двух весьма непохожих слоев: первое составляют не вполне стандартные эмигранты — принудительно высланные («выдворенные»)

и перебежчики, второе — «нормальные» эмигранты, хотя «нормальность» для того времени была вещью настолько специфической и изнурительной (с поборам на образование, с обличительными собраниями трудовых и даже школьных коллективов и другими видами травли), что не совмещалось с реальными демократическими нормами.

Следует сказать несколько слов о нестандартных категориях эмигрантов из СССР. Принудительная высылка из страны, практиковавшаяся при Сталине, вновь была взята на вооружение при Брежневе.

Особыми и весьма специфическими эмигрантами были разного рода перебежчики и невозвращенцы. «Розыскной список КГБ» на 470 человек, из них 201 — в Германию (в т.ч. в американскую зону — 120, в английскую — 66, во французскую — 5), 59 в Австрию. Устроилось большинство из них в США — 107, в ФРГ — 88, в Канаде — 42, в Швеции — 28, в Англии — 25 и т.д. С 1965 года «заочные суды» над перебежчиками заменили «указами об аресте».

До 1980-х годов евреи составляли большинство, причем чаще решительное большинство эмигрантов из СССР. На первом подэтапе, давшем всего 9% «третьей эмиграции», еврейская эмиграция хотя и лидировала, но не доминировала (всего лишь двухкратный перевес над армянской и совсем незначительный — над немецкой эмиграцией). На самом массовом втором подэтапе (давшем 86% еврейской эмиграции за весь период) даже при большом, почти трехкратном, росте немецкой и армянской эмиграции, еврейская эмиграция прочно доминировала (с долей в 72%), и только на третьем подэтапе она впервые уступила лидерство эмиграции немецкой.

В самом начале практически все евреи устремились в «землю обетованную» — Израиль, из них около 14 тыс. человек не напрямую, а через Польшу. Затем картина изменилась: в Израиль направлялось только 62,8% еврейских эмигрантов, остальные предпочитали США (33,5%) или другие страны (прежде всего Канаду и европейские страны). При этом число тех, кто выезжал прямо с американской визой, было сравнительно небольшим (на протяжении 1972–1979 годов оно ни разу не превысило 1000 человек). Большинство выезжало с израильской визой, но с фактическим правом выбора между Израилем и США во время транзитной остановки в Вене: здесь счет шел не на

сотни, а на тысячи людских душ. Именно тогда многие советские евреи осели в крупных европейских столицах, прежде всего в Вене и Риме, служивших своего рода перевалочными базами еврейской эмиграции в 1970–1980-е годы. Позднее поток направлялся также через Будапешт, Бухарест и др. города (но немало было и таких, кто, приехав в Израиль, уже оттуда переезжал в США).

Весьма повышенной эмиграционной активностью на этом этапе отличались евреи — выходцы из Грузии и из аннексированных СССР Прибалтики, Западной Украины и Северной Буковины (преимущественно из городов Риги, Львова, Черновиц и др.), где, за исключением Грузии, антисемитизм был особенно распространен. Как правило, это были глубоко верующие иудаисты, нередко с непрерывавшимися родственными связями на Западе.

Третью волну можно считать наиболее этнизированной (других механизмов уехать, кроме как по еврейской, немецкой или армянской линиям, просто не было) и в то же время наименее европейской из всех перечисленных: ее лидерами попеременно были Израиль и США. В 1980-е годы, когда еврейскую этническую миграцию обогнала немецкая, обозначился и поворот ее курса в сторону «европеизации» — тенденция, которая в еще большей степени проявила себя в «четвертой волне» (специфичной еще и новым — германским — направлением еврейской эмиграции).

Эмиграция «четвертой волны». Перестройка

Начало этому периоду следует отсчитывать с эпохи М.С. Горбачева, но, впрочем, не с самых первых его шагов, а скорее со «вторых», среди которых важнейшими были вывод войск из Афганистана, либерализация прессы и правил въезда в страну и выезда из нее. Фактическое начало (точнее, возобновление) еврейской эмиграции при Горбачеве датируется апрелем 1987 года, но статистически это отразилось с некоторым запозданием. Этот период, в сущности, продолжается и сейчас, поэтому его количественные оценки нужно обновлять ежегодно.

В любом случае оценки оказались гораздо скромнее тех апокалиптических прогнозов о будто бы накатывающем на Европу «девятом вале» эмиграции из бывшего СССР мощно-

стью, по разным оценкам, от 3 до 20 млн человек, наплыве, который Западу даже чисто экономически не по силам было бы выдержать. На деле ничего «страшного» на Западе не произошло. Легальная эмиграция из СССР оказалась неплохо защищена законодательствами всех западных стран и по-прежнему ограничена представителями лишь нескольких национальностей, для которых лишь в нескольких принимающих их странах создана определенная правовая и социальная инфраструктура. Речь идет в первую очередь об этнических немцах и евреях (в меньшей степени — о греках и армянах, в еще меньшей степени и в самое последнее время — о поляках и корейцах). В частности, Израиль создал правовые гарантии для иммиграции (репатриации) евреев, а Германия — для иммиграции немцев и евреев, проживавших на территории бывшего СССР.

Так, согласно германской Конституции и Закону об изгнанных (*Bundes vertriebenen gesetz*), ФРГ обязалась принимать на поселение и в гражданство всех лиц немецкой национальности, подвергшихся в 40-е годы изгнанию с родных земель и проживающих вне Германии. Они приезжали и приезжают или в статусе «изгнанных» (*Vertriebenen*), или в статусе «переселенцев», или так называемых «поздних переселенцев» (*Aussiedler* или *Spataussiedler*) и практически сразу же, по первому заявлению, получают немецкое гражданство.

В 1950 году в ФРГ проживало около 51 тыс. немцев, родившихся на территории, до 1939 года входившей в СССР. Это оказалось немаловажным для начала немецкой эмиграции из Советского Союза, поскольку на первом ее этапе советская сторона шла навстречу главным образом в случаях воссоединения семей. Собственно немецкая эмиграция из СССР в ФРГ началась в 1951 году, когда «на родину» выехал 1721 этнический немец. В 1955 году Бундестаг принял решение о признании ФРГ гражданства, принятого во время войны, что распространило действие «Закона об изгнанных» на всех немцев, проживавших в Восточной Европе. К маю 1956 года в немецком посольстве в Москве скопилось около 80 тыс. заявлений советских немцев на выезд в ФРГ. В 1958–1959 годах число немецких эмигрантов составило 4–5,5 тыс. человек. Продолжительное время рекордным был результат 1976 года (9704 иммигрантов).

В 1987 году «пал» 10-тысячный рубеж (14 488 человек), после чего практически каждый год планка поднималась на новую высоту (чел.): 1988 год — 47 572; 1989 год — 98 134; 1990 год — 147 950; 1991 год — 147 320; 1992 год — 195 950; 1993 год — 207 347 и 1994 год — 213 214 человек. В 1995 году планка устояла (209 409 человек), а в 1996 году двинулась вниз (172 181 человек). Это объясняется не столько политикой воссоздания благоприятных условий для проживания немцев в Казахстане, России и т.д., сколько предпринятым правительством ФРГ ужесточением регламента переселения, в частности, мерами по прикреплению переселенцев к предписанным им землям (в том числе и восточным, где сейчас проживает около 20%), но в особенности обязательством сдавать экзамен на знание немецкого языка (*Sprachtest*). На экзамене, как правило, «проваливается» не менее 1/3 допущенных к нему.

Выводы

Российская эмиграция уже внесла и продолжает вносить огромный вклад в мировую культуру. Однако в силу своего положения в свободном мире и, особенно, в силу непонимания этим миром той цели, которую эмиграция преследует, она не имеет возможности в должной и нужной мере вести борьбу с поработителями нашей Родины — России. Талантом и усилиями русских эмигрантов за рубежом была создана выдающаяся ветвь нашей отечественной культуры, охватившая многие направления человеческой деятельности (литература, искусство, наука, философия, образование) и обогатившая европейскую и всю мировую цивилизацию. Национально-своеобразные ценности, идеи и открытия заняли достойное место в западной культуре в целом, а также в культуре конкретных европейских и других стран мира, где проявился талант русских эмигрантов.

Об огромном вкладе русских ученых-эмигрантов в мировую культуру говорит то, что трое из них удостоились Нобелевских премий: И.Р. Пригожин в 1977 году по химии; С.С. Кузнец в 1971 году и В.В. Леонтьев в 1973 году по экономике.

Основное внимание русских мыслителей в начальные годы в эмиграции было обращено на осмысление феномена русской революции, ее влияния на историческую судьбу России. Большинство из них признавали историческую

неизбежность революционного взрыва народа. Но они не смогли преодолеть свою социально-классовую приверженность, а потому были категорически против теоретического и нравственного оправдания революции как способа решения социальных проблем.

Главным для этой части ученых и для всей белой эмиграции было политическое противостояние Советской власти. Именно за развешивание антисоветской деятельности многие получили финансовую поддержку от иностранцев. Неслучайно В.В. Маяковский после посещения Парижа пришел к выводу, что здесь «самая злостная идейная эмиграция».

Таким образом, при всем масштабе и огромных заслугах эмигрантской культуры, не она определила последующее развитие и будущее России, своего народа в тяжелые годы XX века. Объективный, непредвзятый взгляд на этот сложный, многомерный процесс не может не привести в конце концов к самому главному выводу: помимо «отщепившейся», «отколовшейся» эмигрантской культуры в России сохранялась «магистральная» ветвь, само культурное ядро, носителем которого был главный исторический субъект — русский народ и его составная часть — интеллигенция, большая часть которой осталась на Родине.

Литература

1. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. 306 с.
2. Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселение (1719–1989 гг.): Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Рус. балт. информ. центр «Блиц», 1996. 350 с.
3. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. 317 с.
4. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М.: Русский путь, Викмо-М, 2007. 320 с.
5. Полян П. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных на чужбине и на родине. М.: РОСПЭН, 2002. 896 с.
6. Попов А.В. Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы. М.: Изд-во «Историко-архивный институт РГГУ», 1998. 392 с.
7. Пивоваров Ю. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. Изд-во «Рос. полит. энциклопедия», 2006. 168 с.

УДК 930

ИЗ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГОДЫ)

Баранов Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, redkollegiaMGUS@mail.ru, ФГОУВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса», г. Москва

The author examines the great success achieved by the home front workers. The case study shows examples of loyalty, courage and extraordinary productivity of workers, engineers, scientists, farmers, elderly people, and young citizens of the USSR during the war.

Статья посвящена великому подвигу, совершенному тружениками тыла. В ней рассматриваются многочисленные примеры стойкости, мужества и необыкновенной трудоспособности, которые проявляли в годы войны рабочие и инженерно-технические работники, ученые и колхозники, представители старшего поколения и совсем юные граждане страны.

Key Words: war, war front, evacuation, rear, work in emergency conditions

Ключевые слова: война, фронт, эвакуация, тыл, работа людей в чрезвычайных условиях